

ничука и др [9]. Вместе с тем грамматическое содержание этого понятия, ориентированного на морфологический показатель, не уточняется. Неопределенность ступени грамматической абстракции обнаруживается и в возможности пренебречь морфологическими показателями. Так появляется «словоформа косвенного падежа ($N_2...$)», не характеризующаяся, естественно, ни единой морфологической формой, ни единой семантикой, ни единой синтаксической функцией [10]. В последнем университетском учебнике по синтаксису форма слова признана объектом синтаксиса, но не синтаксической, а высшей морфологической единицей [11, с. 5—6]. Очевидно, что соотношение слова и формы слова, слова-лексемы и слова-синтаксемы требует еще пристального внимания.

По-видимому, преобразование лексемы в синтаксему предполагает два этапа:

1) отвлечение категориально-семантического значения от индивидуально-лексического, или, точнее, поднятие индивидуального значения на категориальную ступень;

2) фиксацию одной из морфологических форм, данных слову как представителю той или иной части речи.

Взаимодействие семантики и морфологии создает языковую единицу с определенными синтаксическими потенциями, обуславливающими ее возможные отношения с другими звеньями синтаксической цепи. Иными словами, в силу тех качеств, которые получает синтаксема в результате соединения усилий семантики и морфологии, она приобретает способность вступить в тот или иной тип словосочетания или предложения.

Это соотношение слова-лексемы и слова-синтаксемы, если условно трактовать его как процесс, можно рассмотреть и в обратной последовательности. Отвлеченное от множества однородных лексем, категориально-семантическое значение в данной морфологической форме может фигурировать в представлении о системе языка как виртуальная единица со своими потенциальными возможностями участия в определенных синтаксических конструкциях, которая затем реализует свои потенции с индивидуально-лексическим «наполнением» в построении конкретного высказывания.

Надо полагать, что понятием «лексического наполнения» синтаксических схем и моделей можно корректно пользоваться только в том случае, если осознается взаимная обусловленность «схем» и «наполнения»: схемы не безразличны к наполнению, они как понятия, принадлежащие плану теоретических конструктов, своим существованием обязаны этому наполнению, они и абстрагированы от множества однородных «наполнений», представляющих план языковой реальности. Адекватность моделей (их соответствие синтаксической реальности), будь то модели предложений или словоформ, обеспечивается категориально-семантическим уровнем, им определяются границы подкласса, в пределах которого сохраняется «свобода наполнения» без изменения структурно-смыслового существа модели (ср. *Ключ — в двери* и *Ключ — в координации*, *Дом — под горой* и *Дом — под наблюдением*).

Итак, в конкретной реализации синтаксемы снова становится необходимой та часть значения слова — индивидуально-лексическая, от которой мы отвели значение категориально-семантическое. Вряд ли обязательен особый термин для обозначения конкретной реализации синтаксемы (*resp.* морфема — морф, фонема — аллофон). Констатируем, что структурно-семантическое значение синтаксемы — абстракция, органически соединяющая конкретное и обобщенное.

Синтаксему, таким образом, принимаем за конститутивную синтаксическую единицу русского языка, полагая ее различительными признаками: 1) категориально-семантическое значение, 2) соответствующую ему морфологическую форму и 3) вытекающую из (1) и (2) способность синтаксически реализоваться в определенных позициях.